

© 1991 г., СЭ, № 3

Абазинь. Историко-этнографический очерк / Ред. А. И. Першиц. Руководитель коллектива авторов Л.З. Кунижева. Черкесск, 1989, 234 с.

Вышло первое монографическое описание одного из народов Кавказа — «Абазинь». Это издание примечательно уже в свете широкого общественного интереса к народам Кавказа в нашей стране, да и во всем мире. И нет никаких сомнений, что для исследователей, занимающихся любыми проблемами Кавказа, монография «Абазинь», посвященная народу, все еще мало изученному, должна стать настольной книгой. Но можно себе только представить, каким событием появление этой книги стало для самих абазин, какое почетное место она заняла среди книг, хранящихся в абазинском доме. Что касается отношения автора этих строк к рецензируемой книге, то оно особое. Проведя с десяток экспедиций в Абхазию, я, наконец, в сентябре 1987 г. стал собирать нужный сравнительный материал среди абазин, ближайших родственников абхазов. В ушах зазвучала привычная речь, а в потоке жизни среди незнакомых «струй» нет-нет да чувствовалась какая-то новизна, незнакомая.

Я заранее хотел бы извиниться перед читателями и перед авторами книги, что данный отклик будет слишком наполнен личными этнографическими впечатлениями. Последнее объясняется тем, что полноценное описание фактов, иногда даже скрупулезное, которое дано в книге, совпадает с «личными фактами-переживаниями», а иногда (жизнь всегда полнокровнее письменного текста) таких «личных» фактов слишком много, и поэтому автор рецензии может невольно преувеличить значимость своего материала.

В поисках необходимой меры, которая устроила бы и авторов рецензируемого труда, я думаю, необходимо подробнее остановиться на самом факте издания книги. Иначе говоря, коснуться этнознаковой функции издания историко-этнографического описания народа. В связи с этим будет затронута только малая часть обильного материала, собранного и изданного авторским коллективом. У истоков изучения абазин еще в 1920—1930-е годы стояли А. Н. Генко и Л. И. Лавров¹.

Появление большой монографии «Абазинь» — факт самосознания этого народа, хотя она написана не только учеными-абазинами. Отмечу сразу, что авторская и организационная работа, выполненная Л. З. Кунижевой, огромна и бесценна: ею написаны разделы «Историкографический очерк», «Хозяйство», «Утварь», «Одежда», «Семья и семейный быт», «Семейная обрядность», «Искусство», «Религиозные верования», «Заключение». Помимо нее в работе приняли участие другие абазинские специалисты: Ш. Ш. Хуранов (раздел в «Историческом очерке»), А. Х. Татаршао (ряд разделов, посвященных искусству, просвещению, культурному строительству, национальным играм в главе «Духовная культура») и В. П. Тугов, написавший разделы «Устное народное творчество» и «Литература» в главе «Духовная культура».

Заметный вклад в создание книги внесли другие ученые: «Исторический очерк» написан с активным участием Е. П. Алексеевой, Л. И. Лаврова и Е. Н. Даниловой, «Материальная культура» — Ю. И. Зверевой («Поселения», «Усадьба», «Жилище») и Г. Г. Копешавидзе («Пища»). Е. Н. Данилова глубоко разработала проблемы общественного строя в XIX — начале XX в., семейной общины и патрионии. Участие в авторском коллективе этих ученых отражает не только научную значимость проблем абазинской этнографии, но одновременно является данью любви и уважения к этому народу. Двоим из авторского коллектива — Л. И. Лаврову и Ш. Ш. Хуранову — не довелось увидеть книгу «Абазинь» изданной.

Авторы тщательно изучили материальный быт, если отнестись сюда и тему «Хозяйство», а также общественные отношения, включая семейно-брачные. Особенно полно характеризуются общественный строй, проблемы семейной общины и патрионии, культура жилища. Удачен очерк о пище. Несколько слабее глава о духовной культуре. Религиозные верования описаны бегло, но раздел по фольклору информативен и отличается хорошим теоретическим осмыслением материала.

Профессиональное этнографическое описание народа как компонент его самосознания — еще на разработанная тема. Но важность ее ощущается всегда, когда видишь, с какой гордостью воспринимают книгу «Абхазы» Ш. Д. Инал-Ипа у абхазов или недавно изданную монографию «Ногайцы» у ногайцев. У некоторых народов Кавказа есть представления о «спрятанной книге», где изложена вся правда о народе. Подобная книжно-этнографическая легенда особенно живуча у народов Северного Кавказа, подвергшихся сталинским репрессиям. По чеченским представлениям, эта книга хранится то ли в Лондоне, то ли в Стамбуле, то ли в Москве.

У абазин мне не удалось записать представления о «спрятанной книге», но какой-то вакуум, впечатление незанятого места было вполне ощутимым до выхода монографии «Абазинь». Если представление о «спрятанной книге» актуализировалось в связи с официозной, извращенной историей народа, то соответствующим катализатором этнической реакции у абазин стал иной способ попорния памяти. Речь идет о массовом уничтожении абазинских поминальных камней, ставившихся на развилках дорог. Их воздвигали в память конкретного погибшего человека. Абазинь старшего поколения воспринимают эти камни как знаки истории народа. И такой камень сейчас, и легенда о «спрятанной книге», и появление историко-этнографического описания народа стоят в одном семантическом ряду, если их рассматривать в функции знаков этнической памяти и самосознания народа. Поэтому само по себе создание таких историко-этнографических моногра-

фий, как «Абазины», по народам, у которых их еще нет, остается актуальной задачей нашей науки. Для народов, ранее бесписьменных, подобное этнографическое издание превращается в Книгу с большой буквы. Эта Книга становится нравственным явлением, воздействуя на поведенческие стереотипы. Разумеется, для авторов монографического описания народов издание подобной книги становится вопросом их профессиональной этики.

Теперь о некоторых сторонах абазинского этногенеза в аспекте истории нравственных идеалов.

За 2—3 года до выхода книги в ходе бесед с абазинскими крестьянами, учителями, писателями можно было удостовериться в том, что из-за отсутствия у людей монографического описания своего народа многие реалии отнюдь не легкой жизни предков получали повышенную оценку, так как им приписывалась роль нравственных императивов жизни. Учитель физики в ауле Эльбурган Мухаммад Туков считает, что этнографическая коллекция вещей, которую он собирает, имеет прежде всего воспитательное значение, т. е. в отношении к этнографии абазин, к земледельческим, мукомольным и прочим орудиям предков ему видятся те нравственные идеалы, которые он хотел бы пробудить в школьниках. Для него лично эти вещи — свидетельство жизни предков и память его детства. Абазинский крестьянин, народный лекарь и философ по складу ума, Муса Шаев четко осознает эти народные этические идеалы через соотнесение их со всем своим этносом — поднимает их уже до общечеловеческого уровня. Человек, склонный к экспериментам и рационализму, Муса Шаев ассоциирует нравственные идеалы абазин с трудом, честным заработком, мирным благополучием жизни. «Наш народ верит в правду. В ерунду не верит», — так Шаев выразил свое отношение к суевериям. Решительно отрицает он демонстрацию агрессии, молодечества, воинского этикета: «С кинжалом ходить — проявлять презрение к человечеству». Другие абазинские крестьяне всегда выше всех этнических норм ставят труд. Фраза «Теплый навоз за забор выбрасываем» — означает спокойную жизнь в достатке. В. В. Тугов в своем очерке фольклорного творчества в рассматриваемом издании также отметил «рационализм в малых (философских) жанрах» (с. 191).

Рационализм абазин был удивителен в сравнении с метафизическим и даже мистическим мировоззрением абхазов. Если у последних к гаданию обращаются в настоящее время многие, то у абазин гадание — редкий случай, к которому прибегают при пропаже скота. Восприятие мира абазин сродни мировоззрению других северокавказских народов. Несколькими столетиями жизни с новыми соседями не прошли для них даром.

Конечно, здесь термин «рационализм» применяется условно, в противовес абхазской мистике. Речь идет о том, что у абхазов жизнь каждого человека прямо соотнесена с силами, определяющими или предрекающими судьбу. Отсюда вытекает ответственность человека перед этими силами, стремление предугадать их волю. Чаще всего существуют институты для этого, скрытые в семейных верованиях. В этом плане в общинных молениях и культах, известных также абхазской традиции, эти общинные по сфере распространения институты, удовлетворяя религиозные потребности, оставляют свободным поле для хозяйственной, предпринимательской и общественно-политической «рациональной» деятельности индивида. Абхазская традиция с ее культом *аных*, личных божеств и личной судьбы, представляется более «мистичной». Абазинскую же традицию можно характеризовать как «рационалистичный» полюс. Очевидно, в каждом из этих этносов преобладало то одно, то другое восприятие, и здесь мы вынуждены заниматься реконструкциями.

«Интимные» структуры мышления, родственные абхазским, у абазин не были смыты напрочь. В 1980-е гг. среди них стал нарастать интерес к магии, который покойный Ш. Ш. Хуранов назвал «всплеском колдовства». Заинтересовавшись этим явлением, я обнаружил, что помимо магии (врачебной и любовной) у абазин начали встречаться видения, обычно летом у молодых людей, — нечто вроде общения с духом облака. Аналогичные эпизоды у абхазов ведут к установлению семейных «запретных дней». Может быть, абазинская культура, во многом ставшая северокавказской, начинает актуализировать затененные структуры, генетически исходные?

Вчитаемся внимательно в «Исторический очерк» (гл. 1), где рассмотрены вопросы этногенеза и заселения абазинами Северного Кавказа. В своих работах, как и в соответствующей части «Очерка», Е. П. Алексеева приводит большой и убедительный материал о принадлежности погребений с кремацией предкам абхазов и абазин. Обряд на территории Абхазии известен уже с X в. до н. э. (с. 13). На побережье Черного моря от Туапсе до Анапы кремационный обряд датируется V—XV вв. В Закубанье это период VII—XII вв., и, судя по деталям, обряд не был адыгским, тюркским или славянским. Е. П. Алексеева доказывает абазинскую принадлежность захоронений с кремацией (с. 14).

Эти археологические показания можно наполнить этнографическим контекстом. В культурах абхазов и абазин старческий возраст метафорически ассоциирован с сухим деревом, предназначенным для огага, костра. «Сухое дерево» — этимология одного из названий старика. Дерево (как и камень) может быть метафорой смерти. Так, фраза «Между нами камень и дерево» означает, что у человека кто-то из близких умер. Примечательно, что у абазин танатологические атрибуты дерева (древесины) перенесены и на плотников, профессия которых не считается в отличие от профессии кузнеца богоугодной (сообщено Ш. Ш. Хурановым). В культурах абхазов и абазин сгорание — это вектор нравственной человеческой жизни. Вполне вероятно, что в древности он был прямо выражен в кремационном обряде захоронения.

Как бы то ни было, переселение абазин на Северный Кавказ несомненно было длительным. Его поздние этапы удастся проследить по письменным источникам (раздел «Абазины в эпоху феодализма»). Очевидно, таким переселениям способствовало важное явление, отмеченное в трудах Ш. Д. Инал-Ипа: непрерывность этнических переходов на западе Кавказского побережья². Для этой этнически динамической массы, как установил Ю. Д. Анчабадзе, был характерен «скользящий» этноним *абаза*, который в разные эпохи и в разных ситуациях относился к разному неоднород-

ному населению³. Именно в такой среде «довольно значительной была миграционная подвижность»⁴.

Высказанная гипотеза об особенностях культов в абхазо-абазинской традиции дает возможность объяснить отмеченную подвижность этногенетических и переселенческих процессов. Поскольку средоточием культа в этой традиции была (а зачастую и остается) семья, то она и предопределяет динамику культа, включая установление новых святынь и забрасывание старых. Такие факты в Абхазии мне приходилось наблюдать неоднократно: глава семьи может забросить культ одного святилища (*аныхи*) ради другого или отказаться от обрядов в ритуальной кузнице ради других обрядов. Примечательно, что кузница, характерная для абхазского семейного культа, у абазин была местом общинных собраний и молений — там проходили сборы старейших жителей села⁵.

Многие из современных абхазских семейных преданий о происхождении (генеагоний) местом обитания первопредка называют Псху (иногда Ахчипсху) в районе расселения воинственной в период Кавказской войны группы медовеевцев (очевидно, абхазо-садзско-убыхской по составу). Как правило, эти генеагонии указывают и на находящуюся там святыню (аныху), «доля» которой была перенесена отсюда на новое место. Псхуские генеагонии отражают скорее сакральную, чем реальную этническую, ситуацию. Их выдвижение на первый план среди семейных преданий, несомненно, связано с тем, что горный район расселения медовеевцев долгие годы Кавказской войны был цитаделью сопротивления, павшей самой последней. Аналогичное явление, когда военносакральный центр страны перемещался ближе к району боевых действий, характерно и для всей истории Чечни (наблюдения И. М. Саидова и С.-М. А. Хасиева). Что касается абазин, то генеагоническая роль Псху характерна и для них (с. 12). В новых условиях на роль нового генеагонического центра у абазин стал претендовать аул Эльбурган. Аул Бибердов (Эльбурган), место просветительской деятельности У. Микерова и Т. Табулова, был во второй половине XIX — начале XX в. центром общественно-политической и исламско-религиозной жизни. Сейчас этот аул, в представлении многих абазин, считается местом, откуда происходят абазини. Примечательно, что основой той консолидирующей силы, которая проявилась в Эльбургане, была именно книжная культура и связанное с ней образование (с. 210—211). Приведенный факт еще раз подчеркивает, что знание, изложенное в сконструированном виде в Книге, может обладать консолидирующей для этноса функцией. Надо надеяться, что издание «Абазин» будет иметь для этого народа большое значение.

Я. В. Чеснов

Примечания

¹ К сожалению, лишь в 1950-е гг. их работы увидели свет. См.: Генко А. Н. Абазинский язык. М., 1955; Лавров Л. И. Абазини // Кавказский этнографический сборник. I. М., 1955.

² Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971. С. 261.

³ Анчабадзе Ю. Д. Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. VIII. М., 1984.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Кунижева Л. З. Из истории обработки металла у абазин (XIX в.) // Из истории Карачаево-Черкесии (серия историческая). Черкесск, 1974. Вып. VII. С. 247.

© 1991 г., СЭ, № 3

Г. Д. Джавадов. Народная земледельческая техника Азербайджана. Баку, 1989. 306 с.

Проблемы исследования истории хозяйства несомненно относятся к числу важнейших задач этнологической науки. Однако со времени ее становления в XIX в. и в последующее столетие основное внимание исследователей привлекали главным образом вопросы возникновения религии, истории семьи, родовых отношений, терминологии родства и в значительно меньшей мере — хозяйства. Можно назвать лишь немногих крупных ученых, специально занимавшихся в прошлом изучением и теоретическим осмыслением хозяйственной деятельности первобытных народов и создателей первых цивилизаций: Эд. Хана, Г. Кунова, Г. Шурца. Начиная с 20-х годов XX в. история хозяйственной деятельности стала разрабатываться в трудах отечественных археологов, этнологов, биологов, в первую очередь Н. И. Вавилова, С. Н. Боголюбского, а также А. Н. Максимова, выдающееся значение научного наследия которого до сих пор еще в полной мере не оценено. Эти и ряд других исследователей выдвинули интереснейшие гипотезы относительно причин и путей культивации растений и domestikации животных. Но ни в 1920-е годы, ни в последующие десятилетия (до конца 1950-х годов) изучению истории хозяйства народов СССР не уделялось должного внимания, хотя и происходило интенсивное накопление этнографических эмпирических данных. И только с начала 1960-х годов все большее число ученых стало обращаться к детальному исследованию конкретных и общетеоретических проблем истории хозяйства народов нашей страны начиная с глубокой древности.